

Сы Вэй смотрел на Цзиньли, облаченную в тёмно-красные подвенечные одежды. На её голове высился позолоченный венец-гуань. Он не знал, что сказать.

Да, её догадки были верны, а логика безупречна. В обычных обстоятельствах её выводы оказались бы единственно правильными.

Проблема заключалась лишь в том, что при всей своей проницательности и богатом воображении Цзиньли не могла даже помыслить, что Сы Вэй сохранил память о прошлой жизни. Привычки и знания, ставшие нормой благодаря всеобщему образованию в его прежнем мире, привели её к столь нелепому и грандиозному заблуждению.

Сы Вэй устало вздохнул:

— Да, вы правы. Мои предки действительно принадлежали к древнему знатному роду. В наших садах цвели коралловые деревья, на галереях сияли жемчужины ночной луны, а на один пир уходило не меньше нескольких тысяч лянов серебра. Всякий раз, когда собирался весь клан, столы тянулись на многие ли...

Цзиньли поначалу слушала его затаив дыхание, но на словах о сияющих на галереях жемчужинах опешила, а уж когда дело дошло до пиршественных столов, растянувшихся на многие ли, шутливо пригрозила ему пальцем. Отворачиваясь, она не выдержала и рассмеялась.

Пока они препирались, снаружи раздался негромкий, вежливый стук в дверь:

— Госпожа Цзиньли, вы у себя? Ваш покорный слуга принёс новые документы о регистрации в реестре домохозяйств.

Сы Вэй удивлённо приподнял брови: подобная деликатность со стороны здешних служителей борделя была большой редкостью.

Цзиньли слегка склонила голову. Покопавшись в шкатулке с украшениями, которую Чуньян прислала вместе со старухами, она выбрала позолоченное серебряное колечко и протянула его Сы Вэю. Затем она аккуратно сложила несколько лакированных подносов в небольшой изящный короб.

— За такие хлопоты всегда полагаются наградные, — тихо сказала она. — Кошеля с монетами под рукой нет, так что отдай ему это.

Сы Вэй взял колечко, прикинув вес. Наощупь оно было примерно таким же, как те серебряные монеты, что Цзиньли тайком всучила ему после стычки со вторым молодым господином Лю... Выходило около сотни медных монет.

В это время, когда за одну монету давали два сытных маньтоу, этой суммы скромной семье из

трёх человек хватило бы на полмесяца жизни.

Сы Вэй приоткрыл дверь, принял из рук служителя борделя плотный свиток документов и, как велела Цзиньли, протянул кольцо в качестве платы за труды.

Служитель борделя незаметно взвесил серебряное кольцо на ладони. Он тут же угодливо улыбнулся. Он отвесил низкий поклон в сторону комнаты:

— Огромное спасибо госпоже! Всё понял. Сейчас же кликну парочку парней, пусть подождут в галерее, чтобы помочь вам с вещами!

Сы Вэй на мгновение растерялся, и лишь потом вспомнил про два тяжёлых дубовых сундука в углу, доверху набитых тонкими тканями на все времена года.

С улицы в открытую дверь ворвался ледяной зимний сквозняк. Сы Вэй поёжился и уже собирался закрыть дверь, как вдруг заметил бегущую к ним Цинлу.

Он придержал створку. Подбежав, запыхавшаяся Цинлу с робкой надеждой посмотрела на свиток в его руках:

— Это... это новые документы о регистрации в реестре домохозяйств?

Сы Вэй отступил, пропуская её внутрь, и вложил документы ей в ладони:

— Сама посмотри.

Девочка прижала бумаги к груди. Она едва могла говорить от волнения. Она сделала несколько неверных шагов к сидевшей у зеркала Цзиньли:

— Госпожа... Госпожа...

Она покраснела, в глазах заблестели слёзы. Она почти безумно улыбнулась, с трудом сдерживая дрожь в губах. Наконец она всхлипнула, издав то ли плач, то ли смех:

— Госпожа моя...

Цзиньли ласково улыбнулась. Она забрала у девочки сложенные вместе листы, бегло просмотрела их и протянула один обратно:

— Погляди-ка, что тут написано.

Обитательницы весёлых кварталов редко блистали глубокими познаниями, но читать и писать их учили исправно. Цинлу развернула плотную бумагу, сложенную гармошкой, и она сразу заметила до боли знакомые иероглифы: Чэнь Санья.

«Чэнь Санья...»

Ей до безумия хотелось провести пальцем по свежим чернилам, но она побоялась размазать их.

Чэнь Санья из рода Чэнь, уроженка деревни Дахэ уезда Лю, ныне освобождена от статуса подлого люда и возвращена в сословие добрых людей.

Ввиду того, что была продана собственными родителями, а родственные связи её полностью разорваны, прежняя регистрация восстановлению не подлежит.

С сего дня причислить её к самостоятельному женскому домохозяйству уезда Цзю. Обязать к несению повинностей, уплате поземельного налога и прочих податей на общих для женских домохозяйств основаниях...

На плотную бумагу упала тяжёлая слеза. Цинлу испуганно спохватилась, торопливо смахнула каплю рукавом и бережно сложила документ. Хлюпая носом, она разом опустилась на колени и трижды звонко ударила челом о деревянный пол перед Цзиньли:

— Госпожа... Спасибо вам, госпожа...

Цзиньли от неожиданности растерялась и поспешно принялась поднимать её с колен:

— Глупая, радоваться надо, а ты слезы льёшь!

Цинлу было всего тринадцать лет. Нахлынувшие чувства захлестнули её с головой, совладать с собой она уже не могла. Пытаясь утереться, она лишь размазывала слёзы по лицу, делая свой вид ещё более жалким. В конце концов она плюхнулась прямо на пол и, не заботясь о чистоте своего платья, уткнулась лицом в рукава, наотрез отказываясь подниматься.

— Я просто... просто не думала, — захлёбывалась она слезами, содрогаясь всем телом, — что когда-нибудь снова увижу это имя... Чэнь Санья...

Она сидела на полу и жалобно редела:

— Оно же такое уродливое!

Цзиньли, которая и сама едва сдерживала чувства, глядя на этот концерт, теперь не знала,

плакать ей или смеяться.

Она вздохнула, уселась на мягкий пуфик и легонько ткнула плачущую девчонку пальцем в лоб:

— Ну и зрелище!

Сы Вэй прислонился к дверному косяку, скрестив руки на груди. Наблюдая за этой сценой, он невольно улыбнулся.

Только теперь до него дошёл истинный смысл недавних слов Чуньнян о том, что проводить Цзиньли должна её «новая служанка». Это был намёк на выкупленную свободу Цинлу.

— Ну всё, прекращай, — Цзиньли принялась лихорадочно искать хоть какую-нибудь ткань в комнате.

Сюда она пришла в легком танцевальном наряде под кроличьей шубой, а теперь, нарядившись в свадебные одежды, осталась без простого носового платка. Не найдя ничего подходящего, она схватила свое прежнее платье — дорогую, изысканную вещь — и принялась вытирать им заплаканное лицо девочки.

Заметив это, Цинлу испуганно отпрянула и попыталась оттолкнуть дорогую парчу:

— Не надо! Оно же безумных денег стоит, никак не меньше тридцати лянов...

— Глупости, — отмахнулась Цзиньли. — Ты мне гораздо дороже тряпок. Твой выкуп обошёлся мне в восемьдесят лянов серебра — почитай, половину своих сбережений за все годы отдала.

Услышав это, Цинлу разрыдалась с новой силой, и её взгляд стал покрасневшим, точь-в-точь как у испуганного кролика:

— Но... но ведь когда матушка Фэн покупала меня, она заплатила всего два ляна!

Цзиньли лишилась дара речи.

Сы Вэй не выдержал и прыснул. Он поспешно отвернулся, прикрыв рот кулаком, но его плечи мелко подрагивали от беззвучного смеха.

В прошлой жизни, работая фотографом, он повидал немало курьёзных сцен и невозмутимо снимал клиенток с самым диким, нелепым макияжем. Обычно его самообладание оставалось безупречным.

Но сейчас сдержаться было выше его сил.

Цзиньли снова беззлобно ткнула девчонку пальцем:

— Думаешь, если ты попала в этот дом, то так и останешься дешёвым товаром?

Она покачала головой, улыбаясь сквозь вздох:

— Восемьдесят лянов — это и много, и мало одновременно. За одну только сегодняшнюю ночь с Чуян гость выложил столько, что на эти деньги можно было бы купить десяток таких, как ты.

Цинлу икнула, шмыгнула носом и наконец затихла:

— Понятно...

Она не выглядела обиженной.

Цзиньли покачала головой. Она собиралась сказать что-то ещё, когда в дверь снова постучали. Голос за дверью принадлежал тому самому слуге, что получил щедрый наградной:

— Госпожа Цзиньли, госпожа Чжао уже собрала все ваши вещи из Павильона Туманов. Экипажи от почтенного гостя поданы и ждут у порога. Всё готово к отъезду. Мы пришли, чтобы вынести сундуки.

Не успела Цзиньли ответить, как сидевшая на полу Цинлу подпрыгнула на месте от испуга:

— Госпожа! Госпожа, а как же я? Я ведь ещё ничего не собрала!

— Да какие у тебя вещи? — добродушно прикрикнула на неё Цзиньли. — Ты ведь при мне была, а не гостей развлекала, как Чуян. Новых нарядов на каждый сезон тебе здесь не шили, откуда взяться узлам? Поедешь со мной, неужто я тебя без одежды и куска хлеба оставлю?

Возразить на это было нечего.

Цинлу согласно кивнула, потерла покрасневшие глаза и поспешно поднялась на ноги, отряхивая подол.

Сы Вэй распахнул дверь. Снаружи помимо давешнего служителя борделя стояли двое крепких молодых парней. Поклонившись Цзиньли, они ловко подхватили дорожный короб и подняли тяжелые дубовые сундуки.

Цзиньли благосклонно кивнула им и обернулась к девочке:

— Цинлу, отдай мне шкатулку, которую я велела принести, а сама ступай к воротам. Мне нужно перекинуться парой слов с Сы Вэем наедине.

Цинлу вытерла лицо ладонью. Ослепленная радостью от получения долгожданных бумаг, она совсем позабыла о маленьком кованом ларце, который небрежно бросила на комод при входе.

Она торопливо отыскивала его и бережно передала госпоже. От её недавней истерики не осталось и следа — только в глазах всё ещё блестели слёзы, а сама она счастливо улыбалась.

— Хорошо, госпожа, я буду ждать вас на улице, — радостно шмыгнула она носом.

Когда за служителями борделя и Цинлу закрылась дверь, в тишине комнаты остались лишь Сы Вэй и Цзиньли.

Цзиньли достала висевший на шее маленький ключик на шёлковом шнурке, уложила ларец на стол и повернула замок. Под крышкой тускло заблестело её скромное богатство, скопленное за долгие годы в борделе.

Там лежали золотые слитки-кэцзы, серебряные ямбы, резные нефритовые подвески величиной с детскую ладонь и множество других безделушек, назначение которых Сы Вэй не знал, но безошибочно угадывал их высокую ценность.

На самом дне виднелись пожелтевшие листы плотной бумаги. Сы Вэй предположил, что это были долговые расписки или кредитные билеты-фэйцянь, но рассмотреть их детально мешало наваленное сверху золото.

Цзиньли достала из шкатулки несколько серебряных слитков разного размера и силой вложила их в ладонь Сы Вэя:

— Здесь около пятнадцати лянов... Не сочти за скупость. За порогом этого заведения нам с Цинлу придётся рассчитывать только на себя, так что каждая монета будет на счету.

Она грустно улыбнулась:

— Деньги — грязь под ногами, но без них в трудную минуту пропадёшь.

Сы Вэй прекрасно понимал это. Пятнадцать лянов серебра — сумма солидная. Он порывался вернуть слитки, но, во-первых, толком не знал здешних цен на жизнь за пределами весёлого квартала, а во-вторых, он действительно слишком долго отсутствовал. С тринадцатого дня двенадцатого лунного месяца до сегодняшнего кануна Нового года прошло больше двух

недель. Как там поживает его матушка, госпожа Ю? Поправилась ли она? Не зная ответов, Сы Вэй лишь беззвучно шевельнул губами, так и не решившись отказаться от помощи.

— Вы и так дали мне слишком много, — тихо произнёс он, покачав головой. — Было бы верхом неблагодарности просить о большем. В конце концов, это ведь я тогда бессовестно навязался к вам.

Цзиньли тихонько рассмеялась. Она аккуратно уложила оба документа на дно ларца и заперла его на ключ:

— Ладно тебе. Тогда я сама едва жила от тоски... Но теперь всё позади. Отныне придётся строить жизнь своими руками. Будет ли впереди волчье логово или тигриная яма — по крайней мере, теперь я не одна.

Она посмотрела на него с мягкой нежностью:

— А ты... возьми эти деньги и уходи отсюда поскорее. В таких местах даже самый чистый душой юноша со временем черствеет и пропитывается этой гнилью.

Сы Вэй молча кивнул, соглаясь.

Передав тяжелый ларец Сы Вэю, она взяла со столика круглый веер-цзюшань и прикрыла им лицо так, что видны остались лишь глаза-полумесяцы, лучившиеся мягким светом:

— Пойдём, — прошептала она. — Проводи меня до ворот... За этим порогом начнётся моя новая жизнь.

Женщины в этом доме появлялись беззвучно и исчезали так же незаметно для остальных.

Сы Вэй бережно нес шкатулку, шагая на полшага позади. Цзиньли шла неторопливо, держа веер перед лицом, её осанка была безупречно ровной. Они направлялись к главному залу Башни Весенней реки.

По пути она не проронила ни слова. Встречные служанки и младшие ученицы застывали в низких поклонах, уступая дорогу. Какая бы зависть ни грызла их сердца, они могли лишь угодливо улыбаться и шептать слова поздравлений.

Они миновали крытые галереи, вышли из бокового дворика и прошли через ворота-умынь. В главном зале пиршество всё ещё шло полным ходом. Доносился весёлый гомон голосов.

На возвышении сидела певица с цитрой в руках. Её нежный голос, пролетая сквозь полупрозрачные шелковые занавеси между колоннами, лился чистым ручьем, оглашая своды

зала.

Облаченная в алое свадебное платье Цзиньли бесшумно скользила по самому краю зала, стараясь держаться в тени колонн. Она смотрела только вперед — на распахнутые двери Башни Весенней реки, за которыми расстилалась холодная зимняя ночь, расцвеченная редкими огоньками фонарей.

Она переступила высокий деревянный порог. На улице у входа их дожидались три экипажа.

Цзиньли чуть приподняла голову, и золотые подвески на её шпильках-буяо тихонько зазвенели в такт движению.

Сюаньсяо спрыгнул со второго экипажа, распахнул дверцу третьей повозки и услужливо установил подножку:

— Госпожа, прошу в коляску. Молодой господин велел отправляться немедленно, так что придётся ехать ночью. Прошу простить за неудобства.

Прежде чем Сюаньсяо успел протянуть руку, из-за повозки выбежала Цинлу. Вместе со служителями борделя она уже уложила все дорожные сундуки и теперь сама бережно поддерживала Цзиньли под локоть, помогая ей подняться по ступенькам.

Стоило женщинам скрыться внутри, как Сюаньсяо захлопнул дверцу, убрал подножку и ловко взлетел на козлы. Хлыст со свистом рассёк воздух, и повозки одна за другой тронулись в путь.

Цзиньли приоткрыла занавеску на окне, а Цинлу высунула голову наружу, но они даже не успели попрощаться с Сы Вэем как следует. Он лишь успел протянуть руку и передать шкатулку со сбережениями в окно уезжающего экипажа. Под мерный стук колес кареты покатались по мостовой, стремительно унося их прочь от этого места.

Внутри головного экипажа тускло горел масляный светильник. На низком столике была расставлена доска для вейци. Принц Цзинь, Цинь Чжэн, и наследный принц Сяо, Сяо И, вели неспешную партию.

Впрочем, мысли обоих были далеки от игры. Фигуры на доску они выставляли небрежно.

Сяо И со стуком бросил белый камень обратно в чашу и нахмурился:

— То есть вы хотите, чтобы я первым делом увёз красавицу на юг?

Цинь Чжэн откинулся на расшитую подушку и, лениво вертя в пальцах черный камень, небрежно отозвался:

— Именно. Поезжай на юг, прихвати девицу и заодно собери слухи... Действуй скрытно, не привлекай внимания. Великих открытий от тебя никто не ждёт, просто создай видимость. А когда закончатся праздники, я прибуду следом под видом твоего дальнего родственника, ищущего приюта.

Сяо И нахмурился ещё сильнее:

— А вы что будете делать, Ваше Высочество?

Цинь Чжэн поднял взгляд, в котором плясали крошечные отсветы пламени, и тонко улыбнулся:

— Я? Я побуду здесь, в уезде Цзю, встречу Новый год... Посижу с удочкой на берегу этой мутной заводи. Глядишь, какая-нибудь крупная рыба да заглотит крючок.

Он щелкнул пальцами:

— Вести с юга, тайные покровители Башни Весенней реки... Да и столичные бездельники наверняка скоро потянутся по нашему следу. Почему бы не встретить их здесь, на перепутье, и не повеселиться вволю в эти праздничные дни?

Сяо И поперхнулся и покачал головой:

— Нормальные люди на Новый год веселятся, а вы, Ваше Высочество, если уж берётесь за дело, непременно устройте кому-нибудь весёленькую жизнь...

— Какая разница? — усмехнулся Цинь Чжэн. — Главное, что мне скучать не придётся.

Сы Вэй долго стоял у дверей Башни Весенней реки, провожая взглядом удаляющийся караван. Когда последний отблеск факелов скрылся за поворотом темного переуллка, он тихо вздохнул.

Не успел он закончить этот вздох, как кто-то бесцеремонно хлопнул его по плечу.

Сы Вэй обернулся. Перед ним стоял служитель борделя в простом рабочем халате-дуаньхэ. Он кивнул в сторону жилых покоев Чуньнян:

— Эй, парень, тебя Чуньнян к себе зовет. Время пришло рассчитать тебя за работу, ступай к ней во двор.